

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ КАРАМЗИНА

Принято думать, что с началом работы Карамзина над «Историей государства Российского», т. е. с 1804 г., все его творческие думы были поглощены одним этим трудом. Его многолетний домашний затвор представляется подвигом летописца, посвятившего всего себя прошлому и отошедшего от текущей литературно-общественной жизни. В качестве единственного доказательства того, что, заваленный архивными материалами и книгами, Карамзин не оставался чужд политической борьбе своего времени, приводится обычно «Записка о древней и новой России», поданная им Александру I в марте 1811 г. В ней открыто и смело, хотя и с консервативных позиций, критиковалась политика царского правительства. Как известно, содержание этой «Записки» послужило причиной длительного охлаждения к ее автору со стороны Александра I.

В бумагах Карамзина сохранился еще один документ, свидетельствующий о том, что современные политические события привлекали к себе его пристальное внимание, — на этот раз не как общественного деятеля, считающего своим долгом внушать царю истины «просвещенного абсолютизма», а именно как историка. Это — посмертно напечатанные заметки под заглавием «Мысли для Истории Отечественной войны»:

«1. Смотря на географическое положение Франции и России, судя по обыкновенным издавна причинам войны между европейскими державами, кто бы за четверть века пред сим вообразил, чтобы Франция и Россия могли непосредственно ударить одна другую? Казалось, что они могли иметь войну только политическую, кабинетную, или в Константинополе, или в Вене, или в Берлине. Экспедиция французская к Данцигу при Анне; марш наших к Рейну под начальством Репнина.¹ Ничтожность первой; пустой блеск второго.

¹ Имеется в виду выступление России на стороне Австрии против Франции в так называемой «войне за австрийское наследство». Движение русского корпуса под начальством кн. В. Н. Репнина к берегам Рейна вынудило Францию приступить к переговорам с Австрией, завершившимся подписанием Аахенского мира 1748 г.

«2. Так справедливо судили: ибо надлежало перемениться всему политическому состоянию Европы, чтобы сия война могла быть действительно.

«3. Революция: ее причина, изменения, проч.

«4. Характер Наполеона; его история, постепенность. Случаи несли его на плечах: он делал ныне, чего не предвидел и не думал вчера.

«5. Ошибки кабинетов.

«6. Политика России: Аустерлиц, Тильзит; Эрфурт.

«7. Гишпания: первый камень преткновения.

«8. Наполеон не хотел войны с нами так скоро, хотя и готовил нашу погибель».²

Эти заметки Карамзина не обратили на себя внимания исследователей. Между тем они не являются записью случайных размышлений писателя, а представляют незаконченный план книги, которую он обдумывал под живым впечатлением Отечественной войны 1812 года. Существенные дополнения к этому наброску содержатся в одном неопубликованном до сих пор эпистолярном свидетельстве современника.

В конце 1930-х годов пишущему эти строки довелось приобрести у московского коллекционера-антиквара В. Н. Морозова подлинник письма известного литературного деятеля первой трети XIX в. Дмитрия Васильевича Дашкова (1788—1839).

Воспитанник Московского благородного пансиона, отличавшийся своей образованностью, поклонник Карамзина, Дашков принимал деятельное участие в борьбе карамзинистов с шишковистами и печатно выступал с разоблачениями антинаучных филологических опытов А. С. Шишкова. В 1815 г. Дашков стал одним из членов-учредителей литературного общества «Арзамас». Ему же принадлежит сатирическая кантата «Венчание Шутовского», вышедшая драматурга А. А. Шаховского.

Письмо Дашкова адресовано Д. Н. Блудову и К. Н. Батюшкову и датировано 28 октября 1814 г. Оно начинается обращением, стиль которого отражает пародически-полемические приемы литературной борьбы того времени: «Вселюбезнейшим и многопочтеннейшим собратам, брату Димитрию Николаевичу и брату Константину Николаевичу, мир, здравие и спасение, на враги же скорая победа и одоление. Выписав из „Древней русской вивлиофики“, за которую теперь от скуки принялся, сие красноречивое вступление, предоставляю кончить его вашим петербургским славнофилам, а сам хочу писать к любезным друзьям своим почтительно». Далее следует часть письма, непосредственно касающаяся Карамзина: «Из Москвы не мог послать к вам ни строчки».³

² Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина, ч. I. СПб., 1862, стр. 192—193.

³ Письмо послано из уездного города Спасска Рязанской губернии.

несносная дорога измучила меня чрезвычайно, а притом проехавши проклятые 728 верст не в три или четыре дни, как я полагал наверно, но в семь суток, я торопился добраться до Рязани и пробыл в Москве только три дни. Однако ж я успел там видаться со всеми, успел быть всякой день у Карамзина, поговорить с ним обо всем — от атамана разбойников Наполеона до атамана лириков наших. . . .⁴ — и наконец успел прочитать несколько отрывков его „Истории“: о происхождении славян, о варягах, о призвании Рурика, общие замечания о веке Владимира, победу над Мамаем и пр. Почтенный автор занимается теперь царствованием Иоанна, но внимание его обращено и на новейшие события. Ему хочется написать историю войны 1812 года, и план уже готов в голове его: план превосходный. Я удивлялся искусству и точности, с коими он начертан. Главная цель автора есть вторжение французов в Россию и бегство их. Но, что же привело их к нам? И с какими целями, с какими надеждами? — Для объяснения сего необходимо нужно начать с Французской революции и вкратце показать ее последствия. Походы Суворова, Аустерлицкой, Фридландской, мир при Тильзите представлены глазам читателя в отдалении, как бы картины в волшебном фонаре. Но чем ближе к нашему времени, тем изображения становятся яснее, обширнее, подробнее. Сильно и красноречиво будет описание сей достопамятной кампании, есть ли судить по жару, с каким Карамзин говорит об ней. Наконец, перенеся знамена русские за Неман, он опять сжимает, так сказать, свои изображения; краткими, но сильными чертами повествует подвиги в Германии и во Франции, и потом вдруг устремляет все лучи на взятие Парижа, на славное сие последствие 1812 года, который никогда не перестает быть главною его целию. — Для меня всего приятнее слушать умного и красноречивого человека, говорящего с жаром; никакие книжные фразы, на которых всегда приметна печать излишней выделки и обдуманности, не могут сравниться с простым сердечным жаром в разговорах».

Этот отрывок из письма Дашкова представляет несомненный интерес для творческой биографии Карамзина: значительно полнее, чем ранее опубликованные «Мысли для Истории Отечественной войны», он позволяет уяснить общий композиционный замысел неосуществленного труда историка.

⁴ Многоточие, очевидно, скрывает фамилию Батюшкова